

Соколов Л. А. Юношеские годы св. Иоанна Златоуста и приготовление его к пастырскому служению // Богословский вестник 1895. Т. 4. № 11. С. 185–214 (2-я пагин.). (Окончание.)

## Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста и приготовленіе его къ пастырскому служенію.

### III.

#### Возвращеніе Св. Златоуста въ Антиохію и принятіе благодати священства.

Три слова къ Стагирію, какъ выраженіе полной отрѣшенности Златоуста отъ началъ мірской жизни.—Златоустъ—учитель страданія.—Результатъ подвижнической жизни: состраданіе къ людямъ, самоотверженная любовь, служеніе человѣческому страданію ради возрожденія людей, какъ высшій смыслъ и цѣль пастырской жизни.—Возвращеніе Златоуста въ Антиохію и принятіе діаконскаго сана.—Особый характеръ діаконскаго служенія въ то время и пастырское значеніе его для Златоуста.—Литературная дѣятельность Златоуста во время діаконскаго служенія: два увѣщательныхъ слова къ молодой вдовицѣ, книги о дѣвствѣ, книга о св. Вавилѣ; анализъ ихъ содержанія.—Характеристика возрѣній Златоуста на средства пастырскаго дѣланія.—Принятіе Златоустомъ пресвитерскаго сана въ 386 г.—Психологическій анализъ духовно-пастырскаго настроенія Златоуста, какъ выясненіе внутреннихъ основаній и мотивовъ пастырскаго служенія.—Вступительная рѣчь Златоуста къ Антиохійской паствѣ.

Четырехлѣтнее пребываніе Златоуста въ общежитіи отшельниковъ и двухлѣтній подвигъ уединенія оказали на Златоуста благотворное вліяніе. Доказательствомъ этого служатъ три посланія его къ Стагирію <sup>1)</sup>. Стагирій проис-

<sup>1)</sup> Относительно времени происхожденія словъ къ аскету Стагирію ученые и издатели Златоустовыхъ твореній разногласятъ. По свидѣтельству Сократа (lib. VI, cap. 3), Златоустъ написалъ эти книги, когда былъ поставленъ во діакона, послѣ того, какъ онъ въ 380 г. возвратился въ Антиохію. Этому мнѣнію Сократа слѣдуетъ Монфоконъ ссылаясь въ подтвержденіе своихъ сужденій на начальныя слова перваго слова къ Стагирію, гдѣ Златоустъ считаетъ своею обязанностію принять личное участіе въ страданіяхъ Стагирія, утѣшая послѣдняго словомъ, помогая дѣломъ и

ходилъ изъ знатнаго рода и былъ сынъ нѣкоего могущественнаго вельможи, какъ можно догадываться на основаніи

употребляя всѣ прочія средства, хотя бы сколько нибудь облегчить его скорбь и ссылается далѣе на невозможность для себя выполненія этой священной обязанности въ слѣдующихъ словахъ.—*Επειδή, говоритъ онъ, δὲ ἡ τοῦ σώματος ἀσθένεια, καὶ τὸ κατασκήψαν τῇ κεφαλῇ κακὸν οἴχοι μὲνεῖν κατανάγκασαν, διακονίαν τοσοῦτον ἔχουσαν κέρδος ἡμᾶς ἀφείλετο, ὅπερ ἐστὶν ὑπόλοιπον καὶ πρὸς παραμυθίαν τὴν σὴν, καὶ πρὸς ὀφέλιαν τὴν ἡμετέραν, τοῦτο κατὰ δύναμιν εἰσενευχεῖν οὐκ ὀκνήσομεν* (Ad Stagyrium lib. I, pag. 190). На основаніи этихъ словъ Монфоконъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе. Стагирій несомнѣнно жилъ въ Антиохіи, такъ какъ оставилъ горы. Іоаннъ, сознавая свою обязанность посѣтить страждущаго, находится, однако, вынужденнымъ отложить свое намѣреніе, такъ какъ самъ онъ одержимъ головою болью и общею тѣлесной слабостью, влѣдетвіе чего и принужденъ оставаться *дома*. Ясно, заключаетъ Монфоконъ, что Златоустъ жилъ въ это время въ одномъ городѣ съ Стагиріемъ, иначе онъ не могъ бы такъ выразиться о себѣ, слѣдовательно, книги къ Стагирію написаны послѣ того, какъ Златоустъ, одержимый болѣзнями, принужденъ былъ возвратиться въ Антиохію (admonitio in libros ad Stagyrium ascetam a daemone obsessum, pag. 188). Напротивъ Тильмонъ и Бароній признаютъ, что слова къ Стагирію написаны прежде, чѣмъ Іоаннъ возвратился изъ горъ въ городъ. Въ подтвержденіе ссылаются на неоднократныя слова самого Іоанна, который говоритъ, что Стагиріѣ жилъ ранѣе съ нимъ вмѣстѣ (*καὶ ταῦτα οὐκ ἀπ' ἐμαυτοῦ λέγω νῦν, ἀλλ' ἐξ ὧν ἀποδυσσομένον σου πολλάκις ἤκουσα πρὸς ἡμᾶς, ἡνίκα σὺν ἡμῖν ἦσθα*), т. е. въ горахъ, откуда потомъ возвратился въ Антиохію. Далѣе, Златоустъ неоднократно говоритъ, что онъ имѣетъ свѣдѣнія о Стагиріи не непосредственныя, а отъ многихъ приходящихъ къ нему (*ὁ γὰρ ἐμὸς φίλος καὶ σὸς Θεόφωλος ὁ Εφεσίως ἔλθων, ἀπαντὰ μοι σαφῶς διηγήσατο*—lib. II, pag. 222), но подобныя слова по мнѣнію Тильмона не могутъ быть сказаны человѣкомъ, живущимъ въ одномъ городѣ съ Стагиріемъ. Таковы основанія мнѣній относительно времени появленія словъ къ Стагирію. Конечно, противъ каждаго изъ нихъ можно спорить и каждое изъ нихъ имѣетъ свою долю основательности. Совершенно вѣрно возраженіе Монфокона противъ Тильмона, что заявленіе Златоуста о способѣ полученія свѣдѣній относительно болѣзни Стагирія совершенно прилично человѣку, живущему въ такомъ обширномъ городѣ, какова была Антиохіа, въ особенности съ пригородами (cum suburbis). Но этого слишкомъ мало для того чтобы утверждать Антиохійское происхожденіе словъ къ Стагирію, потому что сношенія Златоуста съ Антиохійскими друзьями были возможны для него и во время монастырскаго подвига въ виду того, что мѣстомъ послѣдняго были окрестности Антиохіи. Гораздо болѣе основаній для того, чтобы признать временемъ происхожденія словъ къ Стагирію пустынный подвигъ Іоанна. Къ этому мы склоняемся на основаніи содержанія перваго слова, изъ начала котораго ясно видно, что Іоаннъ въ это время жилъ въ монастырѣ (lib. I, pag. 190—191), да и самъ Стагирій былъ въ пустывѣ, а не въ Антиохіи, какъ можно ду-

содержанія самыхъ словъ Иоанна. Стагирій былъ воспитанъ въ правилахъ христіанской вѣры. Въ ранней молодости онъ велъ разсѣянную жизнь и предавался удовольствіямъ свѣта, а потомъ тайно, безъ вѣдома родителей, ушелъ въ монастырь въ окрестностяхъ Антиохіи. Къ этому времени и относится знакомство его съ Иоанномъ. Вначалѣ суровая монастырская дисциплина была весьма тяжела для изнѣженнаго аристократа, но когда его, по попущенію Божію, поразила тяжкая болѣзнь, онъ измѣнился совершенно. Душевное состояніе Стагирія въ эту пору Иоаннъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ. Ты жалуешься, говоритъ онъ, на то, что въ прежнее время, когда ты велъ мірскую жизнь, ты не терпѣлъ ничего подобнаго, а когда распялся міру, тогда и почувствовалъ такую болѣзнь, которая способна смутить душу и подвергнуть ее отчаянію. Затѣмъ Иоаннъ говоритъ, что Стагирія весьма смущало то обстоятельство, что многіе, прежде одержимые подобными болѣзнями, предавшись мірской жизни, совершенно освободились отъ нихъ, а онъ проводитъ все время въ постахъ, всенощныхъ бдѣніяхъ и прочихъ подвигахъ строгой жизни и между тѣмъ не получаетъ освобожденія отъ постигшихъ его страданій. Особенно удручающе дѣйствовало на Стагирія то, что многіе, призываемые къ нему святые люди, имѣвшіе великую силу въ другихъ случаяхъ, были, однако, совершенно безсильны оказать помощь ему. Уныніе, отчаяніе и жестокая скорбь въ виду безвыходности своего положенія настолько сильно овладѣвали душою Стагирія, что онъ близокъ былъ нерѣдко къ покушенію на самоубійство (*ἐπὶ βρόχον ὀριῶσαι*

мать на основаніи того, что онъ опасается, чтобы отецъ его не узналъ о его бѣдствіи и не подвергъ гошенію монаховъ, но эти опасенія были бы странны, если бы Стагирій находился въ одномъ городѣ съ отцомъ. Слѣдуетъ думать, что Стагирій, проходившій вначалѣ совмѣстный съ Иоанномъ подвигъ монастырскаго послушанія (*ἡνίκα σὸν ἡμῖν ἦσθα*), потомъ, вслѣдствіе своей болѣзни, долженъ былъ остаться въ общественномъ монастырѣ на попеченіи братіи, тогда какъ Иоаннъ отправился въ уединеніе пещеры. Отсюда, временемъ написанія словъ къ Стагирію нужно считать 377 или 378 годы. Но здѣсь имѣетъ важное значеніе не столько точная хронологическая дата, сколько несомнѣнное происхожденіе словъ къ Стагирію во время аскетическаго подвига Златоуста, потому что только въ послѣднемъ случаѣ для насъ будутъ совершенно понятны и содержаніе и характеръ этихъ замѣчательныхъ въ аскетически-пастырскомъ отношеніи словъ.

*ἐλθεῖν, καὶ ἐπὶ ποταμὸν καὶ ἐπὶ κρήνον*) <sup>1)</sup>. Узнавши о состояніи Стагирія, Иоаннъ, движимый любовью къ страдальцу, за невозможностію придти къ нему, предложилъ ему въ письмѣ утѣшеніе для облегченія скорби. Когда я услышалъ о твоихъ страданіяхъ, пишетъ Иоаннъ Стагирію, все неприятное въ этомъ мірѣ перестало уже мнѣ казаться неприятнымъ и все пріятное—пріятнымъ. Издавна зная суету мірскую, тогда я узналъ это еще болѣе и любовь моя къ твоему благочестію сдѣлалась сильнѣе. Хотя я, по милости Божіей, и свободенъ отъ нападеній и мученій злаго духа, однако не менѣе тебя чувствую печаль и скорбь этихъ мученій и въ этомъ мнѣ повѣритъ всякій, кто умѣетъ любить такъ, какъ должно любить <sup>2)</sup>. Самъ глубоко страдающій, Иоаннъ находитъ возможнымъ предложить Стагирію духовное утѣшеніе, указывая, какое нравственно-воспитательное значеніе имѣютъ страданія. Общая основа христіанскаго міровоззрѣнія, по словамъ къ Стагирію, должна заключаться въ довѣрїи къ божественному промыслу, въ твердой увѣренности, что Богъ все дѣлаетъ для нашей пользы, что онъ посылаетъ на людей бѣдствія, чтобы и слабыхъ разумить на добрыя дѣла, привести къ самосознанію и сокрушенію, и праведнымъ доставить случаи показать крѣпость ихъ вѣры и любви. Иоаннъ доказываетъ всю неизбѣжность страданій въ горькой юдоли бытія человѣческаго, потому что страданія составляютъ необходимое послѣдствіе грѣхоннаго состоянія человечества <sup>3)</sup>. Въ виду этого христіанину неприлично пытливо вопрошать Божественную Волю, почему праведные терпятъ несчастіе, а порочные живутъ среди удовольствій; неприлично, какъ бы требовать отъ Бога отчета и оправданія въ Его дѣйствіяхъ и роптать, не постигая бездны судебъ Божіихъ. Скорби, искушенія и всѣ, случающіяся съ нами бѣдствія столько же, сколько и блага жизни доказываютъ божественное о насъ промышленіе <sup>4)</sup>. Во всемъ первомъ словѣ къ Стагирію Иоаннъ дока-

<sup>1)</sup> Lib. I, pag. 191. О личности Стагирія подробныя свѣдѣнія см. у Монокона t. I, admunitio in libros ad Stagyrium ascetam a daemone obsessum, pag. 189 и Acta Sanct. September, t. IV, 433.

<sup>2)</sup> Ad Stagyrium lib. I, pag. 192.

<sup>3)</sup> Ibid. pp. 194—195.

<sup>4)</sup> Ibid. p. 196.

зываетъ примѣрами ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ страдальцевъ, что нѣтъ такой скорби, которой, при вѣрѣ въ Бога, при упованіи на Его милосердіе, не могла бы вынести душа человѣческая, что самую мучительною скорбію должна быть скорбь о грѣхахъ. Особенно важное значеніе имѣетъ здѣсь мысль занимающая центральное положеніе во всѣхъ словахъ къ Стагирію, — мысль о неизбѣжности страданій при нравственномъ восхожденіи человѣка по пути христіанскихъ добродѣтелей. По свидѣтельству Златоуста, никто изъ тѣхъ, о комъ много печется Богъ, не бываетъ безъ скорбей, хотя намъ и кажется это иначе <sup>1)</sup>. Въ достаточной мѣрѣ развѣвивъ эту мысль, Златоустъ съ этой точки зрѣнія объясняетъ и непонятныя страданія самого Стагирія. Ты, говоритъ онъ Стагирію, удивляясь тому, что этотъ злой духъ напалъ на тебя не въ прежнее время, когда ты жилъ весело и окружалъ себя мірскимъ блескомъ, но теперь, когда ты бросилъ уже все это и всецѣло предалъ себя Богу, дѣлаешь тоже, какъ если бы ты сталъ удивляться, почему зрителей никто не беспокоитъ, а на того, кто записался въ борцы, приучился къ борьбѣ и вышелъ на мѣсто борьбы, на того только одного и нападаетъ противникъ, поражаетъ его въ голову и бьетъ по лицу. — Таковъ законъ борьбы <sup>2)</sup>. Если ты спросишь, почему Богъ не попустилъ этому демону напасть на тебя, когда ты жилъ въ роскоши и былъ привязанъ къ дѣламъ мірскимъ, то я скажу въ отвѣтъ, что это и есть дѣло Его промысленія о тебѣ. Онъ зналъ, что тогда врагъ, нашедши тебя удобопобѣдимымъ, тотчасъ погубилъ бы. Поэтому Богъ вызвалъ тебя на эту борьбу не тотчасъ, какъ только вступилъ ты въ монашескую жизнь, но напередъ далъ тебѣ много времени для упражненія и когда ты уже укрѣпился, тогда и вывелъ тебя на это трудное поприще <sup>3)</sup>. Во второмъ словѣ, высказавъ нѣсколько утѣшеній Стагирію относительно его бѣдственнаго положенія и беспокойства о домашнихъ, Іоаннъ опять останавливается на своей излюбленной мысли о неизбѣжности страданій въ мірѣ, въ силу чего вся наша

<sup>1)</sup> Lib. I, pag. 210.

<sup>2)</sup> Ibid. pag. 217.

<sup>3)</sup> Ibid. pag. 218—219.

жизнь должна быть проведена въ борьбѣ и трудахъ, если только мы хотимъ насладиться вѣчнымъ покоемъ и безчисленными радостями <sup>1)</sup>). Сѣтовать должно не тогда, когда мы идемъ по скорбному пути, но когда уклоняемся отъ него <sup>2)</sup>). Онъ устанавливаетъ, какъ неизбѣжный законъ нравственной жизни, что нравственное совершенство и благоволеніе Божіе пріобрѣтаются скорбями и начало скорбнаго пути есть начало нравственной жизни <sup>3)</sup>). Въ дальнѣйшемъ содержаніи втораго слова къ Стагирію Іоаннъ подтверждаетъ примѣрами ветхозавѣтной исторіи свою мысль о неизбѣжности страданій для праведниковъ и уже здѣсь указываетъ *пастырскій* характеръ страданій христіанина, когда говоритъ, что скорбь праведника 1) есть подвижничество среди міроваго зла и борьба съ послѣднимъ <sup>4)</sup>); 2) необходимо соединяется съ любовію, потому что праведники скорбятъ, когда видятъ согрѣшающихъ и не обращающихся грѣшниковъ <sup>5)</sup>). Все содержаніе третьяго слова къ Стагирію <sup>6)</sup> посвящено развитію и обоснованію мысли о неизбѣжности и нравственно-воспитательномъ значеніи страданій. Златоустъ останавливается здѣсь по преимуществу на великихъ пастырскихъ примѣрахъ Моисея, Давида, пророковъ и Ап. Павла. Моисей въ раннемъ младенствѣ взятъ былъ ко двору и воспитанъ среди роскоши. Но онъ скорбѣлъ, когда видѣлъ, что его соотечественники томятся въ невыносимомъ рабствѣ, терпятъ нужду и притѣсненія <sup>7)</sup>). Но не объ этомъ одномъ скорбѣлъ Моисей. Его особенно тяготило то, что его соотечественники были нечестивы. Онъ не о себѣ скорбѣлъ. Онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ ближнихъ и особенно о ихъ нравственномъ паденіи. Прослѣдивъ готовность Моисея къ избавленію Израильтянъ отъ рабства Египетскаго и указавъ на самое избавленіе, Златоустъ свидѣтельствуетъ, что тутъ то и начались для Моисея тяжелыя и невыносимыя

1) Lib. II, pag. 226.

2) Ibid. pag. 227.

3) Ibid.

4) Ibid. pag. 232.

5) Ibid. pag. 230.

6) Это слово имѣетъ свое заглавіе, указывающее на предметъ его: ejusdem ad Stagyrium de tristitia (περί ἀθυρίας).

7) Lib. III, pag. 251.

страданія. Избавленные отъ рабства, соотечественники Моисея не понимали цѣны избавленія, не были благодарны избавителю. Они приступили къ Моисею и сильно безпокоили его, требуя отъ него мясъ египетскихъ, не благодарили за настоящее, но хотѣли прежняго, а это было всего тяжелѣе <sup>1)</sup>. Еслибы онъ не имѣлъ сильной любви къ нимъ (*εἰ μὲν μὴ φιλοστόργως εἶχε πρὸς αὐτοὺς*), его печаль была бы менѣ жестока, ему приходилось бы печалиться только о своей собственной участи. Но такъ какъ онъ любилъ ихъ больше, чѣмъ родители, то въ заботливости о нихъ имѣлъ другое основаніе къ печали, — скорбь о ихъ развращеніи и нечестіи. Не такъ оскорбляло Моисея то, что его оскорбляютъ, какъ то, что они его оскорбители. И всякій разъ, чѣмъ болѣе они грѣшили, тѣмъ болѣе онъ терзался и скорбѣлъ. Они сдѣлали тельца, играли и веселились, а Моисей сѣтовалъ и скорбѣлъ и на себя самого призывалъ страшное проклятіе, но ничто не принудило его перестать имѣть состраданіе къ нимъ. Поэтому, когда онъ видѣлъ, что такъ любимые имъ идутъ все къ худшему, то въ какой онъ былъ горести, въ какихъ слезахъ? Ему приходилось испытывать двойную скорбь — и отъ того, что одни погибаютъ во грѣхахъ, и отъ того, что другіе пребываютъ неисправлены и не получаютъ пользы отъ несчастія ихъ <sup>2)</sup>. Обозрѣвая далѣе весь скорбный подвигъ Моисея, Юаннъ заканчиваетъ свои воспоминанія о немъ указаніемъ на нескончаемость его скорби, потому что онъ не удостоенъ былъ ввести своихъ возлюбленныхъ Израильтянъ въ землю обѣтованія. Онъ сошелъ во гробъ съ печалію, потому что пророческимъ духомъ видѣлъ тѣ бѣдствія, какія постигнутъ Иудеевъ. Начавъ скорбѣть и тужить съ перваго возраста, онъ съ тою же скорбію и окончилъ жизнь <sup>3)</sup>. Такой же двойственный характеръ имѣла скорбь всѣхъ пророковъ. Съ одной стороны, — и это общее у всѣхъ ихъ, — они во всю свою жизнь были мучимы пыткой, перебиваемы, побиваемы камнями, заключаемы въ темницы, умирали отъ меча, скитались въ овечьихъ и козьихъ кожахъ, терпя не-

1) Lib. III, pag. 254.

2) Ibid. pag. 256.

3) Ibid. pag. 258.

достатки, бѣдствія и озлобленія (Евр. XI, 36—38)—это были скорби личныя. Съ другой стороны, къ этому присоединялась у нихъ и другая печаль, еще болѣе тяжкая, отъ того, что они видѣли, какъ преспѣвало нечестіе причинявшихъ имъ эти бѣдствія, а этимъ они терзались болѣе, чѣмъ своими собственными бѣдствіями <sup>1)</sup>, — таковы свойства ихъ скорби - пастырской. Таковъ же примѣръ Ап. Павла. Его страданія были, съ одной стороны, личныя, потому что онъ терпѣлъ голодъ, жажду, наготу, кораблекрушенія и пребыванія въ пустыняхъ, онъ терпѣлъ страхъ и опасности, козни, темницы, раны, бдѣнія, безчисленныя смерти и все прочее, что онъ претерпѣлъ для проповѣди Евангельской <sup>2)</sup>. Съ другой стороны, ему приходилось страдать, какъ пастырю, когда онъ видѣлъ отпаденіе обращенныхъ имъ. Когда отвратились отъ него всѣ вѣрные жители Азіи, когда уклонились отъ вѣры Галаты—цѣлый и знаменитый народъ, когда Коринѣяне раздѣлили свою Церковь на многія части и, оказавъ поблажку блуднику, довели его до безчувственности, тогда страданія Павла были неизъяснимы и душа его была объята безпросвѣтнымъ мракомъ <sup>3)</sup>. Данный ему пакостникъ плоти такъ сокрушалъ и беспокоилъ его, что онъ многократно просилъ Бога объ освобожденіи отъ него и не получалъ избавленія. Опять тяжело страдалъ онъ по случаю болѣзни Епафродита (Филип. II, 27), онъ страдалъ изъ за обольстителей и тѣхъ, которые противились ему (2 Тим. IV, 14). Если же онъ за каждаго изъ соблазвившихся самъ воспламенялся, то этому воспламененію не возможно было и погаснуть въ его душѣ, потому что никогда не прекращались соблазнявшіеся и доставлявшіе пищу этому огню. Если отпадали города, а часто и цѣлые народы, тѣмъ болѣе, нужно думать, непрерывно подвергались этому отпаденію тотъ, или другой изъ вѣрующихъ, когда во вселенной было столько Церквей. Предположимъ даже, что никто никогда не соблазнялся, и въ такомъ случаѣ, говорить Златоустъ, я не могу признать его свободнымъ отъ печали. Конечною цѣлю жизни Павла, по его свидѣтельству (Римл. IX, 3), было всеобщее обращеніе къ Богу, но оно

<sup>1)</sup> Lib. III, pag. 267.

<sup>2)</sup> Ibid. pag. 269.

<sup>3)</sup> Ibid. pag. 270.



было лично для него недостижимо и, очевидно, что не достигши этого, онъ велъ жизнь болѣе тягостную, чѣмъ мучимые въ гееннѣ, потому что для него было вождѣлннѣе то, нежели это <sup>1)</sup>).

Краснорѣчивое и прямо соотвѣтствующее духовному опыту людей разсужденіе Златоуста о необходимости и нравственно-воспитательномъ значеніи страданій, прежде всего, достигало своего прямого назначенія въ качествѣ утѣшительнаго слова къ Стагирію. Стагирій ясно понималъ изъ этихъ трехъ посланій Златоуста, что 1., страданія—признакъ божественнаго о немъ промышленія; 2., страданія неизбѣжно сопровождаютъ всѣхъ, ведущихъ духовную жизнь и борьбу со страстями; 3., что его личные страданія тяжелы для него лишь при несовершенной точкѣ зрѣнія на нихъ, тогда какъ другіе страдаютъ гораздо болѣе и тяжелѣе его <sup>2)</sup>). Но для насъ слова къ Стагирію имѣютъ значеніе не въ общемъ только дидактическомъ смыслѣ, но и по преимуществу для характеристики пастырскаго воспитанія Златоуста. Мы видимъ въ словахъ къ Стагирію памятникъ аскетическаго воспитанія Златоуста, видимъ уже сознательное имъ пастырское призваніе. Вначалѣ, въ отвращеніи отъ суеты міра, онъ бѣжалъ въ пустыню, чтобы личнымъ подвигомъ аскетизма стяжать себѣ миръ духа. Онъ находился въ суровомъ воспитаніи у старца-Сирійца, изучалъ Слово Божіе, молился, размышлялъ... Его духовный кругозоръ расширялся все болѣе, его внутренній опытъ увеличивался. Здѣсь нашелъ онъ себѣ внутренній миръ, по не путемъ нечувствительности къ нестроеніямъ міра, не путемъ бѣгства, но въ сознаніи своей близости къ человѣчеству, въ духовномъ приобщеніи къ общечеловѣческому страданію, въ глубокой міровой скорби. Постепенно усиливаемый аскетическій подвигъ, при своей крайней суровости, достигъ своей цѣли, онъ воспиталъ, обновилъ и вдохновилъ духъ Златоуста. Онъ нашелъ искомое имъ благо не въ удаленіи отъ страданій, не въ равнодушій къ людямъ, но въ самомъ страданіи и въ любви къ людямъ. Аскетическій подвигъ не убилъ въ немъ личной чувствительности, какъ эти мы видимъ теперь у факировъ

1) Lib. III, 270—271.

2) Ibid. 271.

Индіи и другихъ фанатиковъ, онъ не пересталъ страдать, вѣтъ, но его страданія получили новый оттѣнокъ, новое направленіе—состраданія къ людямъ и служенія самому человѣческому страданію. Здѣсь то и возникло, и развилось его господствующее этическое направленіе, обнаружившееся впоследствии въ дѣятельности его, какъ церковнаго учителя <sup>1)</sup>. Одновременно съ этимъ суровый подвигъ самоумерщвленія достигъ своего предѣла и изнуренный физически Златоустъ принужденъ былъ возвратиться въ Антіохію. Это возвращеніе Іоанна въ Антіохію представляется біографу его Палладію не простымъ послѣдствіемъ физической немощи Іоанна, но знакомъ божественнаго промысленія о немъ <sup>2)</sup>. И мы не можемъ иначе смотрѣть на этотъ знаменательный фактъ возвращенія Іоанна въ оставленный имъ шумный городъ послѣ шестилѣтняго подвига. Не физическое страданіе заставило его оставить уединеніе пустыни. Его воля была настолько сильна, что одно физическое страданіе не могло измѣнить ея рѣшеній. Страдалъ онъ и ранѣе, но не оставлялъ пустыни. Жестоко страдалъ онъ физически и на архіепископскомъ престолѣ, но не оставлялъ своего служенія, не искалъ мирнаго уединеннаго покоя, гдѣ бы онъ могъ избавиться отъ своихъ невыносимыхъ страданій. Страдалъ физически Златоустъ и въ изгнаніи въ Арменіи, и въ далекомъ Кукузѣ, и въ суровой Команѣ, но страданія физическія были слабѣе духовныхъ и онъ не заботился о своемъ физическомъ здоровьи, но среди лишений, неудобствъ и страданій изгнанія онъ забывалъ о своей физической немощи и горѣлъ пастырскою ревностію, писалъ вдохновенныя посланія, заботился о святомъ дѣлѣ финикійскихъ миссій, скорбѣлъ о недостаткахъ и бѣдствіяхъ своей любимой, но лишенной его ближайшаго руководства паствы. Уступать физическому страданію, покориться вѣшнему насилію слабой плоти при нежеланіи свободнѣ и всемогущей воли—было не въ характерѣ Златоуста. Мы глубоко убѣждены, что самыя жестокія страданія тѣла, самое безвыходное болѣзненное состояніе было бессильно само по себѣ возвратитъ Златоуста въ шумный городъ. И, однако, мы видимъ, что онъ оставилъ пещеру и явился въ Антіо-

<sup>1)</sup> Neander. Der hl. Ioh. Chrys. B. I. p. 30.

<sup>2)</sup> Palladii dialogus historicus, pag. 18.

хію. Чѣмъ же объяснить это его появленіе?—Не для излеченія отъ тяжкихъ недуговъ, не для покойной жизни среди жизненныхъ удобствъ возвратился онъ въ міръ, но для труднаго и тяжелаго служенія человѣческому страданію и возрожденію въ качествѣ пастыря Церкви. Ясно, что не физическій недугъ извлекъ его изъ пустынной пещеры, но тотъ великій пламень пастырскаго призванія, который такъ долго тлѣлъ въ его богато-одаренной душѣ, какъ малая искра, и постепенно возгорался подъ вліяніемъ аскетизма, самоумерщвленія и самоотреченія. Возросшая и ясно сознанная Іоанномъ пастырская идея служенія ближнимъ, ихъ возрожденію и обновленію,—вотъ, что оказалось настолько сильнымъ, что могло покорить твердую волю великаго аскета подвижника Сирійской пустыни. Его возвращеніе въ Антіохію подобно таковымъ же возвращеніямъ великихъ отшельниковъ, столпниковъ и подвижниковъ въ оставленный ими міръ, когда наставали трудныя времена для церкви Христовой. Оно подобно выступленію на общественное служеніе великихъ носителей пастырскаго духа—пророковъ Ветхаго Завета, когда они долго отказываясь и избѣгая возвѣщенія грѣховному міру необходимости покаянія, наконецъ, были побѣждаемы внутреннимъ призваніемъ. И шли эти великіе и пламенные люди въ грѣховный, ожесточенный и жестоковыйный міръ возвѣщать погрязшему во грѣхахъ человѣку ненавистную ему великую истину покаянія. Такъ и Златоустъ. Долго уклонялся онъ отъ пастырскаго служенія, долго избѣгалъ его. Продолжителемъ былъ его суровой искусъ, долго онъ видѣлъ для себя главнѣйшую цѣль въ личномъ совершенствованіи души, въ личной борьбѣ со страстями, въ личномъ аскетизмѣ. Но пастырское призваніе зрѣло въ немъ. Оно проявилось, наконецъ, въ его душѣ, какъ великій и всеподающій пламень, какъ горящій уголь въ устахъ пророка, и покорило его противоборствующую волю. Такъ и, исключительно, такимъ образомъ можемъ мы объяснить выходъ Златоуста изъ пустыни и возвращеніе въ Антіохію. Мы не смотримъ на послѣднее, какъ на частный и изолированный фактъ его жизни, но какъ на необходимое слѣдствіе всей его предъидущей жизни и въ особенности его шестилѣтняго аскетическаго подвига. Этотъ второй Моисей, величайшее сокровище дан-

ное міру, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ о Златоустѣ, оставилъ Египеть, оставилъ пользованіе жизнью, насколько это его касалось, совершенно выдѣлился изъ міра и вслѣдствіе этого увидѣлъ въ страданіяхъ, какъ бы въ купинѣ блистающаго Бога. Подобно тому, какъ роза вырастаетъ среди шиповъ, такъ въ подвигахъ добродѣтели возрасло это благовонное и пріятное Богу растеніе (Златоустъ). Отрѣшившись отъ привязанности къ міру, равнодушный ко всему земному, онъ оставался въ размысленіи о Богѣ и созерцалъ Бога, насколько возможно созерцать. Потомъ онъ снова возвратился въ оставленный имъ Египеть, намѣреваясь вывести оттуда, изъ горькой работы фараона, великій и многочисленный народъ въ благодатную землю обѣтованія путемъ прохожденія багрянаго моря божественной воды и крови, ограждая себя отъ нападеній грѣховнаго Амалика воздѣяніемъ рукъ во образъ Того, Кто ради любви къ намъ простеръ на крестъ свои руки, чтобы доставить намъ возможность избавленія. Проведши два года въ пещерѣ, въ постоянномъ бодрствованіи духа и тѣла, размышляя о божественныхъ изреченіяхъ и жестоко умерщвляя плоть, онъ скоро освободился отъ грѣховнаго невѣдѣнія, пришелъ въ себя самаго свѣтомъ истиннаго знанія и смиренно возвратился въ міръ для великаго и превосходнѣйшаго дѣланія <sup>1)</sup>. Итакъ, на возвращеніе Іоанна въ Антіохію послѣ шестилѣтняго аскетическаго подвига нужно смотрѣть не какъ на уступку тяжелому физическому недугу, но, какъ на завершеніе его многолѣтняго подвига и послѣдній актъ продолжительнаго и весьма важнаго періода его жизни—періода подготовленія его къ великому пастырскому служенію и къ осуществленію тѣхъ высокихъ задачъ служителя Божія, какія онъ носилъ въ ясно сознаваемомъ имъ идеалѣ <sup>2)</sup>,

<sup>1)</sup> Oratio pauegr. auctore s. Iohanne Damasceno, cap. I. Acta sanct. Sept. t. IV. pag. 704.

<sup>2)</sup> Аскетическое подвижничество Златоуста, по свидѣтельству Георгія Алекс., еще до возвращенія его въ Антіохію имѣло своимъ послѣдствіемъ такую нравственную высоту молодаго подвижника, что онъ сподобился дара чудотвореній. Такъ, одинъ знатный житель Антіохіи, страдавшій головной и глазной болью, по молитвамъ Іоанна избавился отъ своей тяжелой болѣзни. Другой, тоже знатный Антіохіянинъ, именемъ Архелай, страдавшій проказою (*lepra erat insectus*) по заступничеству Іоанна получилъ исцѣленіе (pag. 170). Рассказываетъ онъ также о исцѣленіи слѣпаго праваго глаза у нѣкоего Евклея и кровоточивой Христины. Утверждаетъ, наконецъ, из-

По возвращеніи въ Антиохію въ концѣ 380, или въ началѣ 381 г. Іоаннъ былъ поставленъ въ санъ діакона Антиохійской Церкви. Посвященіе его несомнѣнно было совершено воспитателемъ его юности Мелетіемъ, который, по смерти Валента въ 378 г., по указу Граціана, преемника Валента, возвратился изъ изгнанія въ Антиохію. Таково ясное свидѣтельство объ этомъ достовѣрнѣйшаго біографа Златоуста Палладія <sup>1)</sup>. Поставленіе во діакона было несомнѣнно не позже февраля 381 г., такъ 12 числа этого

бавленіе жителей Антиохіи отъ ужаснаго звѣря. По разсказу Георгія, въ окрестностяхъ Антиохіи обиталъ свирѣпый левъ, нападавшій на жителей и на проходящихъ. Юный подвижникъ Антиохійской пустыни велѣлъ поставить въблизи города крестъ. Крестъ былъ поставленъ и некорѣ у его подножія нашли мертваго льва (*saevum leonem sub fixa cruce occisum*, pag. 173). Георгій Александрійскій свидѣтельствуєтъ, что разсказы о чудесахъ онъ заимствовалъ изъ повѣствованій достовѣрныхъ священниковъ и богобоязненныхъ мірянъ, усгнѣно и письменно клятвенно подтвердившихъ ихъ достовѣрность (pag. 158). Если довѣрять Георгію, то его разсказы о чудесныхъ проявленіяхъ святости Златоуста имѣютъ значеніе и для характеристики его подготовки къ пастырскому служенію. По свидѣтельству Георгія, при чудотвореніяхъ Іоаннъ заботился о возбужденіи въ исцѣленныхъ стремленія къ Богу и нравственному обновленію. Исцѣленному антиохійцу Архелаю онъ внушалъ дѣлать добро ближнимъ и валопнять руки бѣдныхъ подаеніями. Отнынѣ, говорилъ онъ, остерегайся оскорблять бѣдныхъ. Самъ Богъ, ихъ Помощникъ и Полечитель, не окажетъ помощи тому, кто обижаетъ бѣдныхъ (pag. 171). Кровоточивой женщиной онъ общалъ исцѣленіе именемъ Божиимъ, если она твердо рѣшится оставить своей прежній злой нравъ, свою жестокость съ рабами и будетъ подавать милостыню нищимъ (pp. 173—174). Но особенно замѣчательнъ разсказъ Георгія, помѣщенный у Савиллія (pag. 169), о видѣніи, бывшемъ Златоусту во время его пустыннаго подвига. По его словамъ, явились Златоусту апостолы Петръ и Іоаннъ. Іоаннъ подалъ Златоусту свитокъ Свящ. Писавія, а Петръ—ключи, что, по ясному смыслу и по толкованію писателя четь-миней, означало призваніе Златоуста свыше на поприще паст. служенія. Послѣдній разсказъ даетъ еще одно основаніе для сдѣланнаго нами выше заключенія о причинахъ возвращенія Іоанна въ Антиохію.

<sup>1)</sup> *Ἐντεῦθεν*, говоритъ онъ, т. е. сразу по возвращеніи въ Антиохію, *χειροτονεῖται (Ἰωάννης) διάκονος διὰ τοῦ Μελετίου, πληρετέρας τῆ θυσιαστηρίῳ δύο πρός τοῦ τρισίη ἔτεσιν*; Латинскій переводъ даетъ поводъ къ заблужденіямъ относительно времени посвященія Іоанна во діакона. Тамъ читаемъ слѣд.: *inde, postquam altari annos quinque ministrasset, a Meletio diaconus ordinatur*, т. е. выходитъ, что, по возвращеніи изъ пустыни, Іоаннъ въ продолженіи пяти лѣтъ оставался празднымъ въ Антиохіи, что совершенно противно подлинному свидѣтельству Палладія, личному характеру Златоуста и исторической дѣйствительности.

мѣсяца Мелетій отправился въ Константинополь для присутствованія на второмъ вселенскомъ соборѣ, откуда и не возвращался, такъ какъ умеръ въ Константинополѣ во время соборныхъ засѣданій <sup>1)</sup>. Давно знавшій своего чтеца-отшельника, Мелетій съ восторгомъ принялъ его въ свои архипастырскія объятія и, зная его подготовленность къ церковному служенію, но вмѣстѣ и его смиренное уклоненіе отъ видныхъ церковныхъ должностей, поставилъ его во діакона Антиохійской Церкви. И мы видимъ, что Іоаннъ, прежде долго и упорно отклонявшійся отъ церковнаго служенія, теперь смиренно принимаетъ санъ діакона. Очевидно, продолжительный аскетическій искусь создалъ въ немъ психологическую возможность примирить ясно сознаваемое личное недостойнство съ высокою пастырскаго идеала. Горячая любовь къ страждущимъ ближнимъ, рѣшимость всецѣло отдать себя священному служенію были встрѣчены архипастырскимъ призваніемъ и Іоаннъ покорился. По возвращеніи въ отечество, говоритъ Дамаскинъ, Златоустъ принимаетъ степень священства и, какъ благодарный сынъ, своею дѣятельностію отдаетъ награду своей матери—кормилицѣ <sup>2)</sup>.

Не долго пришлось служить Іоанну въ санѣ діакона при поставившемъ его въ эту священную степень епископѣ. Но и Флавианъ, достойный преемникъ Мелетія на Антиохійской кафедрѣ, былъ настолько же опытный пастырь и настолько же тепло и сердечно относился къ Іоанну, какъ и Мелетій. Ревностно исполнялъ Іоаннъ вновь возложенныя на него обязанности діакона. Эти обязанности состояли изъ служенія при священнодѣйствіи епископа, надзора за благочиніемъ въ церковныхъ собраніяхъ и церковной благотворительности. Діаконъ тогда былъ при епископѣ участникомъ всѣхъ его распоряженій. Должность діакона была трудная, но за то представляла самое лучше подготовленіе къ должности епископа. Быть опорю бѣдныхъ, изу-

<sup>1)</sup> Мы не считаемъ своею обязанностию излагать тѣ споры, которые существуютъ относительно личности епископа, рукоположившаго Іоанна въ санъ діакона, такъ какъ относительно этого мы имѣемъ достовѣрное и определенное свидѣтельство Палладія и точную хронологическую дату и полное соотвѣтствіе текущихъ событій жизни Златоуста.

<sup>2)</sup> Oratio paneg. pag. 704.

чать ихъ несчастія, видѣть собственными глазами крайность нуждъ, находить причины тому часто въ жадности и жестокости богачей, являться къ нищимъ и слабымъ, какъ бы видимымъ орудіемъ Церкви, — все это было особенно пріятно св. Златоусту, сердце котораго было такъ вѣжно и который такъ ненавидѣлъ ложь и притворство. Діаконство перевело его въ сферу дѣйствительной жизни и открыло его глазамъ людскія страданія. Жизнь показала ему человѣка во всей его нравственной наготѣ и дала ему знаніе страстей, интересовъ, бѣдствій и пороковъ. Печальное знаніе, тѣмъ не менѣе знаніе необходимос для тѣхъ, кто хочетъ нести на себѣ пастырское служеніе ближнимъ. Такимъ образомъ, діаконское служеніе Златоуста въ Антиохійской Церкви было продолженіемъ подготовительнаго періода его жизни, было школою пастырскаго вѣдѣнія. Оно дало ему то, чего не могло дать пустынное подвижничество, дало ему знаніе дѣйствительной жизни, ея законовъ и нравовъ въ ихъ лучшихъ и дурныхъ сторонахъ. Служеніе діакона было весьма важно для Златоуста въ томъ именно отношеніи, что давало обширное поле наблюденія и полную возможность изученія жизни. Прямыхъ пастырскихъ обязанностей учителя и духовнаго врачеванія онъ въ это время не несъ <sup>1)</sup>. Однако, совершенно справедливо

<sup>1)</sup> Въ первой вступительной бесѣдѣ своей по рукоположеніи во пресвитера Златоустъ самъ свидѣтельствуетъ, что эта первая его публичная рѣчь къ народу. Для васъ, говоритъ онъ, столь многихъ и великихъ, конечно не трудно укрѣпить расслабленную страхомъ душу юноши (*μετράχιστων*), вы и обязаны исполнить эту нашу просьбу, потому что для васъ же мы и отважились на такое дѣло, для васъ и для вашей любви, которой нѣтъ ничего сильнѣе, когда она и васъ, не очень опытныхъ въ словѣ (*οὐ μὲν ἔμπειρος ἔχοντας τοῦ λέγειν*), убѣдила говорить и заставило вѣйти на поприще ученія, хотя мы прежде еще не касались этихъ состязаній, но всегда были въ ряду слушателей и наслаждались покойнымъ молчаніемъ. Но кто такъ жестокъ и грубъ, что пройдетъ молчаніемъ ваше собраніе и нашедши пламенныхъ любителей слова, не скажетъ имъ ничего, хотя бы былъ безгласнѣе всѣхъ людей. Итакъ, намѣреваясь въ первый разъ говорить въ Церкви (*ἐβουλόμην οὖν πρότον ἐν ἐκκλησίᾳ μίλλον ἀφιέναι λόγον*) я хочу начатки вступительной бесѣды посвятить Богу и т. д. (Montfauc. t. I, p. 535). Мы нуждались въ защитѣ и прежде, говоритъ Златоустъ въ концѣ той же бесѣды, когда одни проводили жизнь покойною, но когда мы выведены на средину и приняли на себя это крѣпкое и тяжкое иго, намъ потребны многія руки (pag. 541). Въ бесѣдѣ 16 къ Ант. нар онъ гово-

утверждаетъ Марцеллинъ въ своей хроникѣ, что Златоустъ во время пятилѣтняго діаконскаго служенія въ Антиохіи написалъ многія божественныя книги <sup>1)</sup>. По свидѣтельству Палладія, способность Златоуста къ учительству была извѣстна жителямъ Антиохіи и во время его діаконскаго служенія, что и послужило, главнымъ образомъ, причиною страстныхъ желаній народа видѣть Златоуста въ санѣ пресвитера <sup>2)</sup>. Учительность Златоуста была извѣстна Антиохійцамъ изъ раннѣйшихъ литературныхъ его трудовъ и изъ тѣхъ немногихъ, но весьма цѣнныхъ твореній, которыя были написаны имъ несомнѣнно въ пятилѣтній періодъ діаконскаго служенія. Мы разумѣемъ два увѣщательныхъ слова къ молодой вдовицѣ, книги о дѣвствѣ, и о св. Вавилѣ противъ язычниковъ. Для характеристики указаннаго періода жизни Златоуста мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о происхожденіи, содержаніи, характерѣ и значеніи этихъ произведеній. Увѣщательныя слова къ молодой вдовицѣ (*ad juniorem viduam*) имѣли поводомъ для своего происхожденія <sup>3)</sup> неударжимую скорбь молодой

рять, что уже второй годъ бесѣдуетъ съ ними, а это былъ второй годъ его пресвитерства. Изъ приведенныхъ словъ Златоуста достаточно ясно, что во время своего діаконскаго служенія онъ не говорилъ публично къ народу. Безосновательно, поэтому, утверждение Баронія (подъ 382 г.), что Златоустъ не только много написалъ во время діаконскаго служенія, но и говорилъ проповѣди къ народу Антиохійскому (*sed etiam varia perorasse ad populum Antiocheum illo tempore*).

1) *Ubi (Antiochiaenae nimirum) per quinquennium continuum diaconus multos divinosque edidit libros (Chron. ad annum 398).*

2) *'Ἦδη δὲ τῆς διδασκαλικῆς αὐτοῦ ἀρετῆς διαλαμπούσης καὶ τῶν λαῶν ἐκ τῆς τοῦ βίου ἄλλης γλυκανομένων αὐτοῦ τῆ συντυχίᾳ, πρεσβυτέρος χειροτονεῖται διὰ Φλαβιανοῦ τοῦ ἐπισκόπου (Dialogus historicus pag. 19),* говоритъ Палладій.

3) Весьма важный вопросъ относительно времени появленія этихъ замѣчательныхъ словъ разрѣшается на основаніи самого ихъ содержанія. Указывая на тотъ фактъ, что лица, выше стоящія въ жизненной іерархіи, подвергаются многимъ опасностямъ, Златоустъ въ подтвержденіе ссылается на исторію своего времени. Не вдаваясь въ древность, скажу, говоритъ онъ, что изъ числа царствовавшихъ въ нашъ вѣкъ, — а ихъ всѣхъ было девять, — только двое окончили жвзнь своею обыкновенною смертію изъ прочихъ же, одинъ погибъ отъ возмутителя, другой на сраженіи, иной отъ своихъ тѣлохранителей, а иной отъ руки того, кто одлекъ его короною и порфирію. Жены ихъ погибли, какъ говорятъ, отъ яда, другія — отъ печали. Даже изъ женъ теперь царствующихъ особъ одна, хотя



вдовы нѣкоего Фирасія. Фирасій былъ молодой вельможа, замѣчательный не столько по своему служебному положенію, сколько по своимъ высокимъ нравственнымъ качест-

и освободилась отъ прежнихъ несчастій, но вмѣстѣ съ этою радостію испытываетъ и горе, потому что царствующій нынѣ еще очень молодъ и неопытенъ и окруженъ множествомъ зложелателей; другая же совсѣмъ истомилась отъ страха и живетъ хуже осужденныхъ на смерть, потому что мужъ ея съ того самого времени, какъ надѣлъ діадему, до сихъ поръ постоянно бываетъ на войнѣ и въ сраженіяхъ, и больше, чѣмъ отъ несчастій страдаетъ отъ стыда и безславія. Никогда прежде не бывало, какъ дѣлается нынѣ, чтобы варвары, вышедши за предѣлы своей страны, проникли на нѣсколько тысячъ стадій въ нашу землю, сожигая селевія и истребляя вароды и т. д. (Ad viduam juniorum lib. I, 420—421). Указывая затѣмъ въ утѣшеніе вдовицы на то, что ея мужъ умеръ на ея глазахъ, тогда какъ при современномъ военномъ положеніи многіе потеряли своихъ мужей, не выдавъ ихъ, Златоустъ говоритъ: и удивительно ли, что такъ погибли многіе изъ вождей? Самъ царь, скрывшись съ нѣсколькими воями въ одномъ селеніи, не рѣшился выйти изъ него и стать противъ нападавшихъ враговъ, но, оставаясь тамъ, былъ подоженъ и погибъ со всеми бывшими тамъ, не только съ людьми, но и съ конями, оружіемъ, стѣнами, и все это обратилось въ пепель (ibid 422). Эти выдержки изъ перваго слова къ молодой вдовицѣ даютъ намъ возможность установить хронологическую дату появленія указанныхъ словъ. Подъ описываемому здѣсь погибелью императора несомнѣнно пужно разумѣть трагическую смерть Валента въ войнѣ съ Готами, что случилось въ 5 Иду Августа 378 года. Девять императоровъ, которые тутъ перечисляются, пужно разумѣть слѣдующихъ:—Константина и его сыпней—Константина, Констанція и Констанса, Галла, который хотя былъ только цезаремъ, упоминается, однако, потому что чрезъ убійство его возложилъ на себя порфиру Констанцій. Шестой—Юланъ, седьмой Говіалъ, восьмой—Валентіанъ 1-й, девятый Валентъ. Что Златоустъ и Константина считаетъ принадлежащимъ къ своему вѣку, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, — это обычный пріемъ Златоуста—причислять къ своему вѣку и то, что живо въ памяти стариковъ, такъ, напр., онъ причисляетъ Фавсту, — жену Константина, къ своему вѣку (*ἐπὶ τῶν χρόνων τῶν ἡμετέρων*) — Гом. XV ad Philipeuses. Изъ перечисленныхъ императоровъ, дѣйствительно, только два (Константинъ и сынъ его Констанцій) умерли своею смертію, остальные все погибли несчастною смертію, и 9-й—Валентъ трагически погибъ въ войнѣ съ Готами. Жены двухъ современныхъ императоровъ, изъ которыхъ одна боялась за неопытность мужа, другая скучала по причинѣ его постоянныхъ походовъ, — были несомнѣнно: первая — Констанція, дочь Констанція и жена Граціана, который тогда едва былъ 20 лѣтъ; другая—весомнѣнно Флацилла, жена императора Феодосія. Слово къ юной вдовицѣ было написано Златоустомъ некорѣ послѣ трагической кончины Валента, которая относится, какъ мы замѣтили выше, къ Августу 378 года. Въ Февралѣ слѣдующаго

вамъ. Златоустъ называетъ его рѣдкимъ человѣкомъ между свѣтскими людьми того времени <sup>1)</sup>. Онъ принадлежалъ къ числу возлюбленныхъ Божиихъ, былъ человѣкомъ полезнымъ и добродѣтельнымъ <sup>2)</sup> и не сдѣлалъ ничего такого, что лишило бы его небеснаго царствія <sup>3)</sup>. Общія положенія, которыя можно извлечь изъ всего содержанія указаннаго слова, сводятся къ слѣдующимъ.—1) Оирасій былъ человѣкъ добродѣтельный, поэтому переходъ его въ загробный міръ для него лично есть несомнѣнное благо, какъ достиженіе конечной цѣли бытія. 2) Земная судьба человѣка не есть что нибудь опредѣленное, а есть колеблющаяся сумма случайныхъ элементовъ, поэтому нельзя думать, что продолженіе жизни есть благо. 3) Духовное общеніе между людьми возможно и по смерти однихъ, въ виду этого безутѣшная скорбь не имѣетъ никакихъ основаній. 4) Наконецъ, нужно заботиться объ усиленіи тѣхъ основаній, при существованіи которыхъ переходъ въ загробный міръ не представляетъ чего нибудь страшнаго, т. е. жить добродѣтельно. Частное раскрытіе и обоснованіе этихъ положеній поражаетъ читателя знаніемъ человѣческаго сердца, его скрытыхъ недуговъ и лучшихъ средствъ для врачеванія послѣднихъ, знаніемъ жизни и ея законовъ, и глубочайшею способностію въ духовномъ общеніи приобщаться страданію ближняго. — Второе слово къ молодой вдовицѣ (*eiusdem ad eandem de non iterando conjugio*) является естественнымъ продолженіемъ перваго и развиваетъ ту мысль, что разрѣшившемуся отъ супружескихъ узъ послѣ смерти одного изъ супруговъ лучше не вступать въ новый бракъ. Мысль свою Іоаннъ обосновываетъ на положеніяхъ нравственнаго чувства и здраваго

---

года Феодосій былъ провозглашенъ отъ Граціана императоромъ и потомъ постоянно воевалъ съ Готами до 382 года, когда послѣдвіе были побѣждены. Но во время написанія Златоустомъ слова къ вдовицѣ, Готы еще свирѣпствовали и вторгались въ предѣлы имперіи и императоръ постоянно былъ въ бою, какъ мы видѣли въ самомъ содержаніи слова. Отсюда весьма удобно и основательно предположить, что слово къ молодой вдовицѣ написано въ годъ возвращенія Іоанна изъ пещеры въ Антиохію, т. е. въ 380 г., или лучше въ слѣдующемъ 381 г.

1) *Lib. pag. 417.*

2) *Ibid. pag. 418.*

3) *Ibid. pag. 426.*

смысла <sup>1)</sup>.—Книга „о дѣвствѣ“ представляетъ прекрасное по стилю и замѣчательное по глубинѣ мысли изложеніе началъ христіанскаго дѣвства, его внутреннихъ основаній, связь его съ общими положеніями православнаго христіанскаго нравоученія и догматики, вслѣдствіе чего понятно становится невозможность истиннаго дѣвства у язычниковъ и еретиковъ. По глубинѣ мысли и аскетическому направленію этого замѣчательнаго творенія Златоуста оно представляетъ прекрасный плодъ аскетизма его автора и одинъ изъ лучшихъ опытовъ приложенія къ жизни началъ аскетизма <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Общій характеръ этого слова, особенно въ концѣ, когда Златоустъ дѣлаетъ такое заключеніе: все это сказано не для стѣсненія вашей свободы и не для того, какъ я сказалъ, мы привяли это увѣщаніе, чтобы осудить тѣхъ, которые не хотятъ оставаться вдовицами, но чтобы убѣдить ихъ не слишкомъ привязываться къ землѣ, а пользоваться свободой, которую однажды получили онѣ etc. (lib. II, pag. 439). и характеръ проповѣди, какой поситъ на себѣ это слово, общее проповѣдническое заключеніе, все это дало поводъ нѣкоторымъ (Тильмонъ и Монфокопъ) утверждать (Montf. t. I, 412), что это слово представляетъ проповѣдь, сказанную предъ собраніемъ. Но несомнѣнная внутренняя связь съ предыдущимъ словомъ, не только по содержанію, во и по тону рѣчи, говоритъ противъ указаннаго мнѣнія. Очень возможно, что общес заключеніе составляетъ позднѣйшую вставку. И самъ Монфокопъ свидѣтельствуетъ, что въ одномъ древнемъ кодексѣ (in Colbertino) вѣтъ этого сомнительнаго заключенія. Всего вѣроятнѣе, что слово было писано, дѣйствительно, къ вдовѣ Фирасія, но по общинтересному своему предмету сдѣлалось общеназидательнымъ (ср. monitio Montfauc. in duos Sequ. ad viduam iuniorum tractatus pag. 413 et Acta Sanct. Sept. tom. IV, § XIV, pag. 437).

<sup>2)</sup> Въ пользу происхожденія сочиненія „de virginitate“, именно, во время діаконства Златоуста, говоритъ его личное свидѣтельство о томъ, что оно написано прежде пресвертства. Въ 19 бес. на 1 посл. къ Корине., говореной несомнѣнно въ Антиохіи, Іоаннъ считаетъ излишнимъ говорить подробно о дѣвствѣ въ виду того, что имъ ранѣе написана объ этомъ цѣлая книга. Если мы не будемъ, говорить онъ, теперь распространяться о дѣвствѣ, пусть никто не обвиняетъ насъ въ лѣности. Объ этомъ предметѣ нами составлена цѣлая книга и потому мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь тоже самое. Отсылаемъ слушателя туда (in Ep. pr. s. Pauli ad Corinth. hom. XIX; Montf. tom. X, pag. 196). Но бесѣды на посланіе къ Коринейцамъ произнесены въ Антиохіи (καὶ ταῦτα ἐν Ἀντιοχείᾳ, ἐν ἣ πρώτον ἔχησαν χριστιανού—ibid. XXI, pag. 221) по соб ственно у свидѣтельству Златоуста, значить книга о дѣвствѣ написана во время діаконства, къ чему склоняются и Монфоковъ (tom. I, pag. 327), и Штилингъ (Acta Sanct. IV, 438).

Но, несомнѣнно, первое мѣсто между твореніями Златоуста, относящимися къ изслѣдуемому нами подготовительному періоду его жизни, должно принадлежать „книгѣ о свѣтомъ Вавилѣ“. Это замѣчательное произведеніе Златоуста имѣетъ характеръ апологіи <sup>1)</sup>. По своему поводу написанія оно относится къ дѣйствительному историческому факту, а по способу освѣщенія послѣдняго представляетъ убѣжденную защиту христіанства и христіанскаго пастырства. Какъ важнѣйшее изъ сочиненій подготовительнаго періода, книга о св. Вавилѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ основѣ сочиненія о св. Вавилѣ лежитъ фактъ, имѣвшій мѣсто при Юліанѣ отступникѣ. Въ окрестностяхъ Антіохіи было предмѣстье, замѣчательное по красотѣ мѣстоположенія, чистому, благовонному воздуху и обилію источниковъ, покрытое тѣнистыми кипарисами. Здѣсь находился храмъ Аполлона и прорицалище. Во время Златоуста, Дафна (такъ звали предмѣстье) служила мѣстомъ прогулки, шумныхъ и разгульныхъ

1) Полное заглавіе его у Монфокона такое: *liber in sanctum Babylon, contra Iulianum et contra gentiles*. По обширности указаннаго сочиненія нельзя думать, чтобы оно было произнесено предъ народомъ въ качествѣ апологетической рѣчи. Кромѣ того есть и прямыя указанія, что это было не *oratio*, а *liber scribenda*. Мнѣ не нужно, говорить авторъ, увѣрить въ истинности разсказываемаго тѣхъ, которые живутъ, *они присутствовали и видѣли эти событія*, они же и слушаютъ теперь этотъ разсказъ. Я потому и пишу это предъ живыми свидѣтелями (*διὰ γὰρ τοι τοῦτο τῶν μαρτύρων ἔτι περιόντων γραφῶ*) чтобы, когда я сталъ бы разсказывать о чемъ либо древнемъ предъ людьми, не выдавшими того, кто нибудь не подумалъ, что я лгу. Изъ видѣвшихъ это еще находятся въ живыхъ старики и юноши etc. (Montfauc. tom. II, pag. 668). Эти слова автора ясно показываютъ, что сочиненіе о Вавилѣ было писано. Съ другой стороны, они отчасти опредѣляютъ и время написанія, когда указываютъ на живость въ памяти современниковъ Златоуста того событія изъ церковной жизни, къ которому онъ приурочиваетъ свое сочиненіе. Но время написанія самъ же Златоустъ опредѣляетъ точнѣе. Вотъ уже двадцатый годъ, говоритъ онъ, идетъ съ тѣхъ поръ (*ἰδὸν γὰρ εἰκοστὸν ἔτος ἐστὶν ἔξ ἡκεῖνον λοιπὸν*) и вичто изъ зданія, пощажennaго пламенемъ, не погибло, но твердо и крѣпко стоятъ части его etc. (Ibid, pag. 684). Такъ онъ гоноритъ о попыткѣ Юліана возстановить іерусалимскій храмъ, а это относится къ 362 году. Слѣдовательно, прибавляя 20-лѣтній періодъ, мы получаемъ годъ 382, — время написанія указанной апологіи. Или, если допустить, что Златоустъ не опредѣляетъ здѣсь точно хронологическую дату, должно относить написаніе апологіи къ времени около 382 года и несомнѣнно во время діаконства Златоуста.

пиршествъ и разврата. Для уничтоженія безобразій при Галлѣ въ Дафнѣ былъ построенъ храмъ и перенесены мощи св. Вавилы. Нравственная цѣль была достигнута, безобразія прекратились (pag. 664—666), прекратились и прорицанія въ капищѣ Аполлона. Въ 362 году Юліанъ, ревностный приверженецъ язычества, приказалъ удалить мощи св. Вавилы изъ Дафны, надѣясь возстановить капище Аполлона во всемъ блескѣ. Мощи св. Вавилы съ необыкновенною торжественностію были перенесены въ Антиохію, но торжества язычества не послѣдовало. Вскорѣ по перенесеніи мощей Вавилы храмъ Аполлона былъ истребленъ огнемъ, но такъ что его нижнія части остались на память грядущимъ поколѣніямъ, какъ доказательство ничтожества идоловъ <sup>1)</sup>). Такимъ образомъ, добродѣтель христіанства восторжествовала надъ языческими суевѣріями. Обширная книга Златоуста о св. Вавилѣ начинается общимъ обзорніемъ исторіи христіанства. Исторія Евангельская, по Златоусту, наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что Христова истина восторжествовала надъ ухищреніями жи міра. Смыслъ и основаніе этого несомнѣннаго закона исторіи домостроительства человѣческаго спасенія заключается въ самомъ содержаніи истины, въ ея существѣ. Сила истины не нуждается ни въ какой помощи, но, хотя бы тысячи людей старались заглушить ее, она не только не истребляется, но чрезъ самыхъ притѣснителей своихъ становится блистательнѣе и возвышеннѣе, посмѣваясь надъ бѣснующимися и тщетно изнуряющими самихъ себя <sup>2)</sup>). Отсюда слѣдуетъ для Златоуста выводъ относительно средствъ сообщенія людямъ Христовой истины. Сила истины, исходя изъ самаго существа послѣдней и обращаясь къ внутреннему опыту людей, не нуждается во внѣшней насильственной помощи, поэтому христіанамъ не позволяется ниспровергать заблужденіе принужденіемъ и насиліемъ, но заповѣдано убѣжденіемъ, словомъ и кротостію совершать спасеніе человѣческое <sup>3)</sup>). Внѣш-

<sup>1)</sup> Точныя, подробныя и ясныя свѣдѣнія о св. Вавилѣ и о всѣхъ событіяхъ приуроченныхъ къ его личности, находятся въ самомъ словѣ Златоуста, отчасти же мы заимствовали ихъ у Монфокона *tom. II, in duos sermones in Sanctum Babylam, episcopum Antiochenum et martyrem admouitio*, pag. 633—634.

<sup>2)</sup> *Lib. in s. Babylam*, pag. 644.

<sup>3)</sup> *Ibid.* pag. 645.

нія насильственные средства излишни даже для устранения вѣдшихъ препятствій къ распространенію истины, такъ какъ ея самодовлѣющая сила преодолеваетъ все и проявляется преимущественно среди препятствій и гоненій, при условіяхъ скорби, преслѣдованія и борьбы, но—не свободы и спокойствія <sup>1)</sup>. Свѣтъ никогда не будетъ мракомъ, пока онъ свѣтъ, и истина нашихъ дѣлъ не опровергается, потому что она истина, а сильнѣе ея нѣтъ ничего <sup>2)</sup>. Исторія показываетъ, что во времена гоненій христіанство было сильнѣе, чѣмъ во времена мира. Когда, говоритъ Златоустъ, восходитъ на царскій престолъ кто нибудь согласный съ нами въ исповѣданіи Бога, тогда христіане бываютъ въ беззаботномъ состояніи,—такъ мало они возвышаются почестями. Когда же получить власть человекъ нечестивый, вездѣ преслѣдующій насъ и подвергающій безчисленнымъ бѣдствіямъ, тогда наше положеніе бываетъ превосходно и блистательно, тогда время доблестей и трофеевъ, тогда случай достиженія вѣнцовъ, похвалъ и всякаго отличія <sup>3)</sup>. Указавъ, такимъ образомъ, существенную сторону христіанской истины—ея самодовлѣніе, Златоустъ въ лицѣ священно-мученика Вавилы рисуетъ образъ идеальнаго служителя истины, глубоко вѣрующаго въ силу послѣдней, самоотверженнаго борца и защитника ея. Онъ указываетъ фактъ отлученія св. Вавилою отъ Церкви императора, измѣнившаго истинѣ. Того, кто владѣлъ большею частію вселенной, обладалъ многими народами, многими городами, безчисленными войсками и былъ страшенъ вездѣ, какъ по величію своей власти, такъ и по жестокости своихъ правовъ, Вавила отлучилъ отъ Церкви съ такою твердостію и съ такимъ безстрашіемъ, съ какимъ пастухъ отдѣлилъ бы отъ стада паршивую и больную овцу. Онъ сдѣлалъ это, подтверждая на дѣлѣ слова Спасителя, что рабъ только тотъ, кто совершаетъ грѣхъ, хотя бы онъ имѣлъ на головѣ своей тысячу вѣнцовъ, хотя бы казался владыкою всѣхъ людей, а кто не сознаетъ ничего худаго, тотъ, хотя бы былъ въ числѣ подданныхъ, царствениѣ всѣхъ царей. Такимъ обра-

---

<sup>1)</sup> Ibid.

<sup>2)</sup> Ibid. pag. 647.

<sup>3)</sup> Ibid. pag. 654.

зомъ, подначальный распоряжался начальникомъ и подчиненный судилъ владѣвшаго всѣми и произносилъ осуждавшій его приговоръ <sup>1)</sup> — и все это онъ дѣлалъ спокойно и кротко, потому что душа его была проникнута духовною солию <sup>2)</sup>. Последнее и составляетъ необходимый элементъ личности истиннаго служителя истины. Врачи, когда имъ нужно разрѣзывать загнойвшіеся члены, или остановить въ нихъ воспаленіе, приступаютъ къ врачеванію, не приводя себя напередъ въ грѣхъ, а напротивъ тогда особенно и стараются соблюсти душу въ спокойномъ состояніи. Если же тотъ, кто хочетъ лечить тѣло, имѣеть нужду въ такомъ спокойствіи, то врачующему душу нужно быть въ высшемъ и превосходнѣйшемъ состояніи спокойствія и любомудрія <sup>3)</sup>. Индивидуальный фактъ духовнаго врачеванія, въ силу свойствъ своей природы, долженъ, однако, достигать и достигаетъ общихъ цѣлей. Хотя отлученный былъ одинъ, но пользу отъ этого получили многіе, всѣ невѣрующіе были поражены и удивились, узнавъ, какое дерзновеніе сообщаетъ Христосъ рабамъ своимъ <sup>4)</sup>. Частный фактъ самъ по себѣ, какъ бы онъ ни былъ блестящъ и удивителенъ, не имѣеть, однако, цѣны, если онъ не служитъ средствомъ для общей цѣли, поэтому хорошій человекъ долженъ дѣлать все для общей пользы и для исправленія жизни другихъ <sup>5)</sup>. Святой Вавила былъ подвергнутъ мучительной смерти за свою пастырскую ревность, но эта смерть была для него радостію, потому что святые, любя Господа, съ великимъ усердіемъ принимаютъ страданія за Него и становятся болѣе радостными <sup>6)</sup>. Одно только можетъ доставлять печаль истинному пастырю, — это погибель грѣшника и его упорное пребываніе во злѣ <sup>7)</sup>. Подобно изслѣдовавъ обстоятельства смерти Вавилы, Златоустъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы пастырскаго характера. „Блаженный своимъ поступкомъ обуздаль невѣрныхъ, а вѣрныхъ сдѣлалъ бо-

---

<sup>1)</sup> Ibid. pag. 651.

<sup>2)</sup> Ibid. pag. 653.

<sup>3)</sup> Ibid.

<sup>4)</sup> Ibid. pag. 654.

<sup>5)</sup> Ibid. pag. 656.

<sup>6)</sup> Ibid. pag. 662.

<sup>7)</sup> Ibid. pag. 661.

лѣе благочестивыми, не только частныхъ людей, но и военновъ, и военачальниковъ, и градоначальниковъ, показавъ, что и царь, и послѣдній изъ всѣхъ, у христіанъ суть одни только имена, что и носящій діадиму не лучше самаго послѣдняго, когда онъ долженъ быть обличенъ и наказанъ. Онъ принесъ пользу имѣющимъ впоследствии священствовать и царствовать. У первыхъ возвысилъ умъ, показавъ, что получившій священство есть болѣе властный блюститель надъ землею и надъ совершающимся на землѣ, нежели носящій багряницу и что надобно не уменьшать величіе этой власти, но скорѣе отказываться отъ жизни (точнѣе—отъ души, *τῆς ψυχῆς*), нежели отъ правъ, которыя Богъ свыше далъ этой власти <sup>1)</sup>). Если не безопасно лицемерить тогда, когда обижаютъ человѣка, то какого наказанія не будетъ достоинъ тотъ, кто молчалъ и не обращалъ вниманія, когда оскорбляемы были законы божественныя? <sup>2)</sup>). Пастырскій подвигъ св. Вавилы былъ дѣломъ свободнаго произволенія, а не необходимости, въ знакъ этого святой завѣщаль погребсти вмѣстѣ съ его прахомъ и знаки его подвиговъ, выражая, что ему весьма пріятны и любезны эти узы по сильной любви, привязывающей его ко Христу. И теперь, говоритъ Златоустъ, лежатъ эти узы вмѣстѣ съ его прахомъ, внушая всѣмъ предстоятелямъ церквей, что, хотя бы имъ надлежало быть связанными, или быть убитыми, или потерпѣть что либо подобное, все они должны переносить охотно и съ великимъ удовольствіемъ, дабы не измѣнить и не постыдить ввѣренной имъ власти ни въ малѣйшей части <sup>3)</sup>). Св. Вавила, такъ заключаетъ Златоустъ излагаемую книгу, показалъ, какое различіе между священствомъ и царскою властію, укротилъ всю мірскую гордость и поправилъ житейское тщеславіе, научилъ царей не простираť своей власти далѣе назначенной имъ отъ Бога мѣры, показалъ и священнымъ лицамъ, какъ должно имъ пользоваться своею властію <sup>4)</sup>).

Мы подробно остановились на содержаніи книги Златоуста о св. Вавилѣ въ виду ея особенной важности для ха-

<sup>1)</sup> Ib. pp. 657—658.

<sup>2)</sup> Ibid.

<sup>3)</sup> Ibid. pag. 662.

<sup>4)</sup> Ibid. pag. 689.



ракетристики изучаемаго періода жизни великаго пастыря Церкви. Въ раннюю пору своей жизни, когда Іоаннъ имѣлъ еще привязанность къ міру и землѣ, зрѣлъ въ немъ великій идеаль пастырства. Скоро настала пора призванія его къ пастырскому служенію. Сознаніе своего недостойнства и личныхъ недостатковъ по сравненію съ идеаломъ священства побудило Златоуста отказаться отъ предлагаемаго ему высокаго служенія и бѣжать въ пустыню отъ міра, чтобы путемъ аскетизма подъ руководствомъ великихъ подвижниковъ духа, въ созерцаніи природы, въ размышленіи о судьбахъ Божіихъ, въ самоуглубленіи и самопознаніи стяжать себѣ то высокое душенстроеніе, какое представлялось ему необходимымъ условіемъ для достойнаго принятія пастырской благодати. Продолжительнымъ и суровымъ искусомъ онъ пришель къ сознанію безысходности и безцѣльности человѣческой жизни, коль скоро она имѣетъ строго индивидуальный характеръ, такая жизнь безсмысленна и безцѣльна. Онъ понялъ, что смыслъ жизни—въ служеніи ближнимъ, въ посвященіи себя на служеніе обществу благу,—созиданію ближнихъ и умиротворенію міра. И вотъ онъ вышелъ изъ уединенія, оставилъ пустыню и безропотно, покорно отдался волѣ Божіей и волѣ епископа, призвавшаго его къ священному служенію въ нисшей степени — діакона. Въ продолжительный сравнительно періодъ этого служенія онъ внимательно изучалъ жизнь, человѣческія страданія, борьбу страстей, законы духовной жизни, поскольку уже самыя обязанности діаконскаго служенія ставили его лицомъ къ лицу съ жизнью во всѣхъ ея лучшихъ и дурныхъ сторонахъ. Любовь къ ближнимъ, горячее желаніе дать людямъ миръ, уврачевать духовныя страданія, желаніе, ощущавшееся имъ, какъ внутренній огонь въ его душѣ, — все это влекло его къ пастырскому служенію. Строго говоря, уже самое возвращеніе его изъ пустыни въ Антіохію слѣдуетъ считать выраженіемъ опредѣлившейся въ немъ готовности принять пастырскій санъ. Но онъ сознавалъ нужду въ нѣкоторомъ изученіи жизни, ея условій и законовъ, примѣнительно къ началамъ духовнаго возрожденія, какія даны были въ его внутреннемъ опытѣ послѣ многолѣтняго аскетическаго искусства. Его готовность къ пастырскому служенію не стоитъ, однако, въ

прямой противоположности съ тѣмъ отказомъ и бѣгствомъ отъ священства, которые имѣли мѣсто прежде, чѣмъ онъ прошелъ аскетическую школу. Тамъ, — его отказъ имѣлъ свое основаніе въ смиреніи и сознаниі личнаго недостатка, здѣсь, — его готовность нести иго Христова объясняется его любовію къ людямъ, покорностію волѣ Божіей и яснымъ сознаниемъ цѣли и смысла человѣческой жизни. Онъ не утратилъ того высокаго пастырскаго идеала, который нашелъ свое выраженіе въ вдохновенныхъ и возвышенныхъ словахъ о священствѣ, нѣтъ, этотъ идеаль былъ присущъ его душѣ во всю его жизнь до того послѣдняго момента жизни, когда онъ умеръ въ отдаленной Арменіи съ своимъ классическимъ изреченіемъ на устахъ: „слава Богу за все“! Пастырскій идеаль Златоуста дышетъ во всѣхъ его многочисленныхъ и дивныхъ твореніяхъ, въ каждомъ предпріятіи, въ каждомъ поступкѣ его ревностной пастырской дѣятельности. Готовность же его принять на себя иго Христова, при сознаниі своего недостатка и высоты пастырскаго идеала, объясняется тѣмъ, что путемъ аскетическаго искуса Златоустъ открылъ въ своемъ духѣ, позналъ и изучилъ тѣ законы и основанія, на которыхъ возможно примиреніе неба и земли, — высокаго идеала пастыря съ личнымъ недостаткомъ кандидата священства. Эти законы — суть законы любви и самоотреченія. Сознавая непреложность, силу и вседѣйственность этихъ законовъ, Златоустъ принялъ на себя иго пастырскаго служенія, какъ самый непоколебимый стимуль осмысленной и цѣлесообразной жизни. Къ сознанию указанныхъ законовъ Златоуста привело двойное воспитаніе, которое онъ прошелъ: воспитаніе аскетическое и воспитаніе общественное, воспитаніе пустыни и воспитаніе жизни.

Поставленіе Іоанна въ степень пресвитера, относящееся несомнѣнно къ 386 г. <sup>1)</sup>, было совершено преемникомъ Ме-

<sup>1)</sup> Мы утверждаемъ это на основаніи слѣд. соображенія. — Несомнѣнно извѣстно, что Златоустъ былъ взятъ на архіепископскую кафедру Константинополя по смерти Нектарія, которая, по согласію свидѣтельству историковъ, относится къ 20 сентября 397 года (Soer. lib. VI, cap. 2). Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти прошло въ борьбѣ партій, желавшихъ возвести на архіепископскую кафедру каждая своего кандидата. Время этихъ споровъ не превышаетъ, однако же, трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, такъ

летія на Антиохійской кафедрѣ, — епископомъ Флавіаномъ <sup>1)</sup>. По свидѣтельствѣ многихъ историковъ (Бароній, Левъ импер., Георгій Алекс. и др.) поставленіе Златоуста во пресвитера было соединено со многими чудесными явленіями. Такъ, когда епископъ Флавіанъ пѣлъ въ ночное время гимны (*hymnos nocturnos recitaret*) ему явился ангелъ и повелѣлъ ему поставить Іоанна во пресвитера. Точно также и самому Іоанну явился ангелъ и убѣждалъ его, чтобы онъ не отказывался отъ пресвитерскаго сана. Наконецъ, во время самаго посвященія Іоанна надъ его главою былъ видѣнъ бѣлый голубь <sup>2)</sup>. Хотя Палладій и умалчиваетъ объ этихъ чудесныхъ явленіяхъ, однако, нѣтъ основаній и къ тому, чтобы считать ихъ фиктивными, тѣмъ болѣе, что въ первой бесѣдѣ Златоуста по поставленіи его во пресвитера можно видѣть нѣкоторое подтвержденіе этихъ свидѣтельствъ. Испрашивая молитвъ за себя у своей паствы, Златоустъ говоритъ слѣдующее. — Мы нуждались въ защитѣ и прежде, когда одни проводили жизнь покойную, но когда выведены на средину, — не говорю какъ, — человѣческимъ ли стараніемъ, или божескою благодатію (*εἴτε ἀνθρώπινῃ σπουδῇ, εἴτε χάριτι θεῆα*), нисколько не спору съ вами объ этомъ, чтобы не сказалъ кто нибудь, будто я говорю притворно. Какъ бы то ни было, но когда мы выведены и приняли на себя это крѣпкое и тяжелое иго, намъ потребны многія руки и безчисленныя молитвы, да возможемъ въ цѣлости возвратить залогъ, давшему его Господу въ тотъ день, когда получившіе таланты будутъ позваны и введены и должны будутъ отдать отчетъ <sup>3)</sup>. Нельзя не видѣть въ этихъ сло-

какъ, по согласному свидѣтельству историковъ Златоустъ былъ рукоположенъ во епископа 26 февраля 398 года (Soer. *ibid.*; Sozom. *lib.* VIII, cap. 2). Но служеніе Іоанна въ санѣ пресвитера продолжалось двѣнадцать лѣтъ (*τρῖς τέσσαρα ἔτη*, — Palladii *dialog.* pag. 19); вычитая это число изъ хронологической даты его посвященія во епископы, мы получаемъ 386 г., какъ начало его служенія въ пресвитерскомъ санѣ.

<sup>1)</sup> Таково опредѣленное свидѣтельство объ этомъ Палладія: *προεβύτερος χειροτονεῖται διὰ Φλαβιανῶ τῷ ἐπισκόπῳ* (Pall. *dialog.* pag. 19). Это совершенно согласно съ несомнѣнною датю относительно 12-лѣтняго періода его служенія въ санѣ пресвитера. Таковы свид. Баронія, Льва Мудраго, Георгія Алекс. и др. Cp. Montfauc. *tom.* I, pag. 533—534.

<sup>2)</sup> Acta Sanct. pag. 448.

<sup>3)</sup> Sermo cum presbyter fuit ordinatus. Montfauc. I, 541.

вахъ оратора его глубокаго убѣжденія въ своемъ благодатномъ высшемъ призваніи къ священству; единственно только смиреніе и скромность удерживаютъ его отъ восторженнаго исповѣданія чудодѣйственной и всемогущей благодати Божіей, призвавшей его, долго противившагося, къ пастырскому служенію. Все содержаніе его первой рѣчи убѣждаетъ въ такомъ именно воззрѣніи Златоуста на свое посвященіе. Не смотря на близость свою къ 40-лѣтнему возрасту, Златоустъ считаетъ себя все еще юнымъ для столь великаго дѣла, каково пастырское служеніе. Ужели истинно то, что совершилось съ нами, вопрошаетъ онъ. Ужели настоящее не ночь и не сновидѣніе, но, дѣйствительно день и мы всѣ бодрствуемъ. Нынѣ все случилось, сбылось и совершилось такое, что невѣроятнѣе сновидѣній и городъ столь обширный и многолюдный, народъ чудный и великій внимаетъ нашему убожеству, какъ будто услышать отъ насъ что либо великое и превосходное <sup>1)</sup>. На свое пастырство Іоаннъ смотритъ во время посвященія, какъ на великую жертву Богу, драгоценнѣйшую и лучшую всѣхъ другихъ жертвъ, поэтому онъ признаетъ необходимымъ для себя постоянное духовное дѣланіе, чтобы съ великимъ трудомъ собранныя, немногія духовныя блага не исчезли, оставя душу пустою и безсодержательною <sup>2)</sup>. Съ такимъ смиреніемъ св. Златоустъ приступилъ къ пастырскому служенію, которое онъ рѣшился проходить въ полномъ вниманіи къ своему внутреннему чловѣку, со всею ревностію, до послѣдняго издыханія, пока Богу угодно будетъ хранить его въ настоящей жизни.

Пресвитерское служеніе Златоуста не богато внѣшними событіями, потому что, по самому положенію своему онъ былъ не администраторомъ церкви, а проповѣдникомъ, — учителемъ народа. Во время Златоуста въ Антіохійской Церкви обязанности пресвитеровъ были раздѣлены для удобства ихъ исполненія сообразно съ способностями каждаго. Однимъ было поручено совершать богослуженіе, другимъ — завѣдывать внѣшними дѣлами, третьимъ — руководить религіозно-нравственною жизнію Церкви посредствомъ проповѣди. Послѣднія обязанности представлялись по существу

<sup>1)</sup> Ibid.

<sup>2)</sup> Ibid.

труднѣйшими, какъ объ этомъ говоритъ самъ Златоустъ въ 3 бесѣдѣ на первое посланіе къ Коринейцамъ. Благовѣствованіе, говоритъ онъ, есть дѣло важнѣйшее. Благовѣствованіе предоставлено было (въ Церкви Апостолькой) немногимъ, а крестить могъ всякій, имѣвшій священство. Человѣкъ, наставленнаго въ вѣрѣ и увѣровавшаго, крестить можетъ и всякій другой: расположеніе приступающаго и благодать Божія довершаютъ все. А что-бы невѣрныхъ доставить въ вѣрѣ,—это требуетъ великаго труда, великой мудрости и даже представляетъ опасности. Тамъ уже все сдѣлано. Желаящій принять таинство убѣжденъ въ вѣрѣ и нисколько не трудно крестить увѣровавшаго, а здѣсь (въ благовѣствованіи) нуженъ великій трудъ, чтобы перемѣнить расположеніе, исправить нравъ, уничтожить заблужденіе и насадить истину. Учительство и проповѣдь возлагались на пресвитеровъ образованнѣйшихъ и искуснѣйшихъ въ словѣ. Св. Златоустъ былъ извѣстенъ своимъ высокимъ просвѣщеніемъ и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, поэтому ему было поручено служеніе въ качествѣ учителя и проповѣдника. Эта дѣятельность была особенно пригодна ему, особенно соотвѣтствовала складу его духовныхъ силъ, не потому только, что онъ былъ образованный, просвѣщенный и краснорѣчивый человѣкъ, но и потому, въ особенности, что онъ былъ аскетъ-подвижникъ, потому, что онъ опытно зналъ законы духовной жизни, зналъ тайну вліянія на человѣческую волю, зналъ законы возрожденія душъ. Это знаніе, весь складъ его духовной жизни, неослабное личное духовное совершенствованіе дѣлало его всесильнымъ духовнымъ владыкою надъ толпой, которая была готова на все по одному слову знаменитаго подвижника пастыря. Его внутренняя мощь дѣлала его центромъ церковной жизни, двигателемъ народныхъ массъ, не смотря на то, что всѣ административныя мѣропріятія его времени шли помимо его личнаго участія. Одною только силою духа, однимъ только нравственнымъ вліяніемъ своимъ силенъ былъ Златоустъ настолько, что могъ вести безоружно побѣдоносную борьбу съ внѣшнею силою, со всѣмъ зломъ тогдашней жизни. Одинъ внѣшній видъ Златоуста <sup>1)</sup>, одно его появленіе на каѳедрѣ

<sup>1)</sup> У Іоанна Евхаистскаго мы находимъ слѣдующее описаніе внѣшняго вида Златоуста.—Божественный Златоустъ, говоритъ онъ, былъ небольшого

уже дѣлало его владыкою многочисленныхъ слушателей. Его глубокий пронизательный взоръ при большихъ и впалыхъ глазахъ, смотрящихъ кротко, смиренно и любовно, привлекалъ къ нему сердца и вливалъ елей обновленія въ расслабленныя души. Вообще, его внѣшность была точнымъ отпечаткомъ его великаго духа. Его непобѣдимая и всемогущая власть надъ людьми не была лишь минутнымъ торжествомъ внѣшняго краснорѣчія и не оно привлекало къ нему сердца, но-полнота его духовной жизни, постоянное внутреннее дѣланіе, вниманіе къ себѣ, пареніе духа къ Богу, пламененіе любовію къ ближнимъ,—вотъ что дѣлало его неизсякаемымъ сосудомъ благодати. И неудержимо текъ благодатный источникъ его пастырскаго слова, орошая грѣховное поле, обращая сухую, грязную и безплодную почву въ прекрасный садъ Божій, въ плодоносную и богатую ниву.

*Л. Соколовъ.*

---

роста (brevi statura), имѣлъ большую и высокую голову (magno elatoque capite), былъ весьма худощавъ, имѣлъ правильный носъ съ прилично выдавшимися ноздрями, блѣлое и очень блѣдное лицо, впалые и луковичные глаза (oculis cavis et bulbosis). Это дѣлало то, что Златоустъ возбуждалъ пріятное чувство и внушалъ довѣріе къ себѣ, хотя бы онъ былъ настроенъ печально и вдумчиво. Чело имѣлъ большое, открытое и излещенное многочисленными морщинами, большія уши, узкую и очень рѣдкую бороду, прорѣзанную очень рано сѣдыми волосами, лицо впалое и вдумчивое отъ суровой и подвижнической жизни (см. Acta Sanct. t. IV, p. 692). Ясно можно видѣть въ указанныя черты внѣшняго вида Златоуста на снимкѣ, помѣщенномъ въ I томѣ изд. Fronto-Ducaeus Златоуст. твореній. Имѣющееся тамъ изображеніе Златоуста носить слѣдующее надписаніе: *ὁ ἄγιος Χρυσόστομος*, въ рукѣ его свитокъ съ словами: „держиcя духовныхъ, презирай житейскихъ“. Внизу подпись: „изъ древнія зѣло иконы, въ Константиѣ поди древле написанныя, сей святаго Іоанна Златоустаго образъ тисненіемъ мѣднымъ тѣхъомея изобразити, ему же извѣстно согласуются греческія мѣсяцесловы, идѣже той пишется малымъ возрастомъ, великою главою, пространнымъ и морсковатымъ челомъ, очесы, внутрь входящими, смиренными и благопріятными, владшимъ лицемъ сухости ради, рѣдкою, краткою и простѣдою брадою“. На древнихъ иконахъ св. Златоустъ изображается въ срединѣ или съ Василиемъ Великимъ и Григоріемъ Назіанзиномъ, или съ Василиемъ Великимъ и Николаемъ Мирликійскимъ.